

Научная статья

УДК 364.054:930.253(470.6)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.6>

РОЛЬ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ИНКОРПОРАЦИИ РЕГИОНА В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

Ольга Юрьевна Колосова¹, Павел Григорьевич Немашкалов^{2*}

^{1,2} Ставропольский государственный педагогический институт (д. 417 А, ул. Ленина, Ставрополь, 355029, Российская Федерация)

¹ Доктор философских наук, доцент
kolosova.07@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0002-5942-3713>

² Доктор исторических наук, доцент
paul_2@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0874-3661>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Обращение к истории становления самостоятельной Кавказской и Черноморской епархии обусловлено изучением вопроса проблемы инкорпорации Северного Кавказа в состав Российской империи. В условиях отсутствия разветвленной системы органов административного контроля и затяжного военного конфликта в первой половине XIX в., шел процесс поиска платформы национальной идентичности, что позволяло не только снизить уровень эскалации конфликта, но и провести инкорпорацию Северного Кавказа в социокультурное пространство Российской империи. **Материалы и методы.** Основным подходом исследования стала междисциплинарность, которая предполагает конструирование целостного научного знания о влиянии духовенства и православия на инкорпорацию региона в состав России. Историческая антропология дала возможность увидеть изучаемую проблему через судьбы и биографии отдельных исторических фигур. Помимо этого, в работе нашли применение традиционные методы исторического исследования: историко-генетический, историко-типологический, ретроспективный. В основе проведенного исследования находятся материалы архивных фондов и обзорных статей Кавказских (Ставропольских) епархиальных ведомостей. Историография проблемы представлена работами В.А. Потто, Ф.А. Щербины, Г.Н. Прозрителева. И.К. Смолич исследовал организацию церковного управления и личность первого епископа Иеремии (Соловьева).

Research article

Результаты. По итогам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что, находясь в меньшинстве по отношению к населяющему регион приверженцев ислама, старообрядцев, сектантов, православное население сумело создать основу духовного единения населения региона. Традиции православной культуры на Северном Кавказе стали основой этнокультурной идентичности, выступая для определенной части населения историко-культурным ориентиром.

Ключевые слова: Северный Кавказ, инкорпорация, Кавказская и Черноморская епархия, казачество, приходское духовенство, древлеправославие и ересь, преосвященный Иеремия (Соловьев)

Для цитирования: Колосова О. Ю., Немашкалов П. Г. Роль православного духовенства Северного Кавказа в инкорпорации региона в состав Российской империи в середине XIX века // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 3. С. 464–472. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.6>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 14.12.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 16.05.2024.

Статья принята к публикации: 25.07.2024.

THE ROLE OF THE ORTHODOX CLERGY OF THE NORTH CAUCASUS IN THE INCORPORATION OF THE REGION INTO THE RUSSIAN EMPIRE IN THE MIDDLE OF THE XIX CENTURY

Olga Yu. Kolosova¹, Pavel G. Nemashkalov^{2*}

^{1,2} Stavropol State Pedagogical Institute (417 A, Lenin St., Stavropol, 355029, Russian Federation)

¹ Dr. Sc. (Philosophy), Associate Professor
kolosova.07@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0002-5942-3713>

² Dr. Sc. (History), Associate Professor
paul_2@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0874-3661>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. The reference to the history of forming an independent Caucasian and Black Sea diocese is due to the study of the problem of the incorporation of the North Caucasus into the Russian Empire. In the absence of an extensive system of administrative control bodies and a protracted military conflict in the first half of the 19th century, the process of searching for a platform of national identity was underway, which allowed not only to reduce the level of escalation of the conflict, but also to incorporate the North Caucasus into the socio-cultural space of the Russian Empire. **Materials and Methods.** The study is based on the principles of an interdisciplinary approach,

which allowed us to consider the problem in its entirety, combine data obtained from different fields, look at the problem of the influence of the clergy and the Orthodox cultural tradition from different positions, expand and deepen the existing body of scientific knowledge on this issue. The method used made it possible to conduct modern historical research from the standpoint of historical anthropology. In addition, the work uses narrative, historicalgenetic, historicaltypological, retrospective and anthropological research methods. The research is based on materials from archival collections and review articles of the Caucasian (Stavropol) Diocesan Gazette. The analysis of

© Колосова О. Ю., Немашкалов П. Г., 2024

the problems raised is reflected in the works of researchers of the history of the Cossacks V.A. Potto, F.A. Shcherbina, and the nature of colonization of the region G.N. Prozritelev. The organization of church administration and the personality of the first bishop Jeremiah (Solovyov) was analyzed in the study by I.K. Smolich. **Results.** According to the results of the study, it can be concluded that, being in the minority in relation to the ascetics of Islam, Old Believers, sectarians inhabiting the region, the Orthodox population managed to create the basis for the spiritual unity of the population of the region. The traditions of Orthodox culture in the North Caucasus have become the basis of ethnocultural identity, acting as a historical and cultural landmark for a certain part of the population.

Keywords: North Caucasus, incorporation, Caucasian and

Введение. На современном этапе развития исторической науки в России неизменным остается интерес к роли Церкви в жизни общества, большое внимание уделяется истории отдельных епархий и деятельности православного духовенства на поприще служения обществу, изучается их вклад в общественно-политическую и духовную жизнь страны. Интерес обусловлен прежде всего тем, что на протяжении всей истории России, после принятия христианства, духовенство выступало одним из важнейших социальных институтов государства и общества.

В отечественной историографии редко встречаются исследования поднимающие вопросы роли православного духовенства и православной культуры в процессы инкорпорации целых регионов Российской империи, каким выступал Северный Кавказ. На пространствах которого получили распространение принесенные традиции народов, история которых порой здесь и заканчивалась. Проживая в окружении враждебных культур ими были выработаны особые религиозные практики и механизмы защиты от влияния традиций иных народов, населяющих Северный Кавказ.

Актуальность проведенного исследования определяется и тем, что на фоне политического укрепления России на южных границах на протяжении всего XVIII в., инкорпорация региона в социокультурное пространство империи. Несмотря на предпринимаемые попытки интеграции через различные миссионерские практики, нарастало противоречие и неразрешимость сложившейся ситуации вылилась в открытое противостояние.

Ситуация осложнялась и тем, что принятые методы управления на Северном Кавказе не были эффективными, поэтому процесс заселения региона шел параллельно с выработкой наиболее соответствующей условиям форме административного управления. Конец XVIII в. характеризуется некоторым «успокоением» на Северном Кавказе, которое еще нельзя назвать стабилизацией. Регион к этому времени стал частью Российской империи, как следствие политические и экономические мотивы соперничества на Кавказе усилились. Политику властей определял принцип административно-территориального централизма, лишь некоторые районы империи, к числу которых можно отнести и Северо-Восточный Кавказ, имели административную самостоятельность в рамках России. И нужно признать, что определенное сдерживающее влияние данный принцип имел [2, с.89–95].

По мере продвижения России на Кавказ начали проводиться административно-территориальные преобразования. Строительство Военно-Грузинской дороги, вдоль которой было сооружено несколько укреплений, в том числе, крепость Владикавказ, выступали свидетельством серьезности намерений относительно включение региона в состав империи. Начавшиеся плано-

Black Sea diocese, Cossacks, parish clergy, Ancient Orthodoxy and heresy, Right Reverend Jeremiah (Solovyov)

For citation: Kolosova OYu, Nemashkalov PG. The role of the Orthodox clergy of the North Caucasus in the incorporation of the region into the Russian Empire in the middle of the XIX century. *Humanities and law research*. 2024;11(3):464-472. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.6>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the author contributes equally to this article.

The article was submitted: 14.12.2023.

The article was approved after reviewing: 16.05.2024.

The article was accepted for publication: 25.07.2024.

и стихийно процессы колонизации региона привели в начале XIX в. к решительному повороту в распространении на Кавказе российской военно-административной власти с опорой преимущественно на военные методы. В результате длительных русско-иранской, русско-турецкой и кавказской войн было преодолено сопротивление горцев и начался процесс инкорпорации региона в состав Российской империи. Северный Кавказ являлся периферией РПЦ и исламского мира, в котором положение переселенцев, и в большей части казачества, необходимо рассматривать с позиции «свой – чужой» или «верующий – иноверец». В сложившихся реалиях православие выступало консолидирующим фактором пестрых казачьих элементов [22, с.115–116].

Материалы и методы. Исследование проведено с использованием принципов междисциплинарного подхода, что позволило рассмотреть проблему в её целостности, объединить данные, полученные из разных сфер, взглянуть на проблему влияния духовенства и православной культурной традиции с различных позиций, расширить и углубить существующий корпус научного знания в данном вопросе. Используемый метод позволил провести современное историческое исследование с позиций исторической антропологии. Помимо этого, в работе нашли применение нарративный, историко-генетический, историко-типологический, ретроспективный и антропологический методы исследования. В основе проведенного исследования находятся материалы архивных фондов и обзорных статей Кавказских (Ставропольских) епархиальных ведомостей. Анализ поднимаемых проблем нашел отражение в работах исследователей истории казачества В.А. Потто, Ф.А. Щербины, и характера колонизации региона Г.Н. Прозрителева. Организация церковного управления и личность первого епископа Иеремии (Соловьева) нашла отражение в исследовании И.К. Смолича.

Анализ. Первые представители славянского народа проникали на Кавказ стихийно и не представляли собой компактно поселившейся обособленной группы с устойчивыми ценностными установками. Оседая на Тереке, они не основывали крупных поселений, только после перехода на левый берег были заложены крупные укрепленные станицы [24, с.13]. После окончания строительства Кизлярской крепости в 1735 г. население этих станиц переселилось под укрытие её стен. С этого момента Кизляр, по мнению академика А.П. Берже, становился главным политическим, экономическим и культурным центром на Кавказе [25, с.10]. Только с образованием Кавказского наместничества, которому в управление были переданы территории Кавказской и Астраханской областей, позиции коменданта крепости были ослаблены. Центр управления регионом переместился в последующим в город Екатериноград [23].

В анализируемый период ранее господствующее на Северном Кавказе христианство, принесенное на эти земли из Константинополя еще в IV–V вв., уступило свои позиции исламу. Неоднократно предпринимаемые попытки миссионерских практик терпели одну неудачу за другой, только Осетинское подворье смогло сохранить традиции православной культуры, и в последующем послужить базой возвращения осетинского народа в лоно Русской Православной Церкви. Предпринимаемые правительством попытки исходили из идеи конфессиональной близости населения, что обеспечивало безопасность и вело к снижению конфронтации среди поликультурного населения. Усиление давления государства в этой религиозной политике вело только к нарастанию напряженности и развитию конфликта в регионе.

Религиозные традиции местного казачества сложились в условиях их изоляции от административных центров России в окружении исламского мира. После их переселения в окрестности Кизляра городской благочинный потребовал исправления сложившихся религиозных практик. Отстаивая свою культурную самобытность, казаки отвергали все выдвигаемые претензии, ссылаясь на сохраненный порядок их предками: «... мы в том же стоим не прибавляем и не убавляем» [23, с.324–337]. Выступая от имени всего казачьего населения атаман И. Иванов предупредил представителей властей о неперспективности решения вопроса, и твердости позиции казаков, проживших более 150 лет в культурной изоляции в окружении исламского мира. При этом предупредил о возможном уходе их изпод юрисдикции властей империи по примеру казаковнекрасовцев [20, с.97–98]. В вопросах вмешательства в религиозные традиции не рассматривалось ими даже назначение священнослужителей в приходы, которых они выбрали сами из своей среды, а присланным местное казачество готовило «теплый прием», вплоть до их убийства [27, с.18–20]. Традиции терских казаков препятствовали инкорпорации этой части славянского населения Северо-Восточного Кавказа, мировоззрение которого выражалось не во внешних протестных ритуалах, а имело характер внутренней связи с Богом.

К концу XVIII в. число сторонников раскола на Тереке увеличивается вследствие переселенческой политики с Дона семей староверов, которые частью принимали принятые положения старожилов, а некоторые принесли с собой самостоятельные сектантские верования. В это же время южная граница России выходит на реку Кубань, для освоения земель которой государство переселяет донских казаков и запорожцев. Исследователь казачества А.Ф. Щербина указывает, что в большинстве своем это были донцыстароверы, которые придерживались практик выборности духовенства и ухода от контроля исполнения религиозных обрядов приходскими священниками. Указанные обстоятельства препятствовали и этой части славянского населения установлению принятой системы религиозной традиции православной Церкви [31, с.766–767].

Переселенные на Северо-Западный Кавказ после упразднения Запорожской сечи казаки заняли нижнее течение реки Кубань и основали Черноморское казачье войско. Обладая большим численным потенциалом, они заселили обширные территории, на которых несли обязанность исполнения постоянной сторожевой службы на границы с адьягами. Ряды войскового казачества в основном пополнялись за счет переселенцев из Малороссии, что привело в дальнейшем к образованию Ку-

банского казачьего войска в 1860 г., население которого основало 3 города, несколько десятков крупных станиц и до 3 тыс. хуторов [19, с.113–144].

Процессы механического прироста населения продолжались на протяжении всего XIX в. По справедливому заключению Г.Н. Прозрителева, российская гражданская колонизация и боевые действия проходили параллельно [26, с.19]. Многие селения Кавказской губернии строением своим походили на села Харьковской или Курской губернии [28, с.495]. Экономические и дворовые крестьяне расселялись на подконтрольных территориях, подчиненных правительству, и следовали установленным административно-религиозным традициям [18, с.43]. В Ставропольской губернии данный элемент населения доминировал относительно других территорий Северного Кавказа, а положения г. Ставрополя как интендантского центра определяло его статус и в будущем религиозно-церковной столицей региона.

Испытывая острую нехватку в военном контингенте при нарастании конфликта, одним из способов решения сложившейся проблемы безопасности местные власти видели в создании крупных поселений. Генералгубернатор П. С. Потемкин запрещал их основывать и строить при них приходские церкви переселенцам, если число жителей было меньше 1 тыс. душ. Административные нормы на практике в условиях активных боевых действий соблюдались в данном регламенте достаточно редко. Исходя из этого обстоятельства эти поселения часто становились объектами нападения не мирных горцев. Открытый в них церковный клир, существующий за исправление христианских треб для жителей, был обречен на полуголодное нищенское существование.

Религиозная политика государства по искоренению раскола в центральных губерниях имела сдерживающий фактор на его распространение. Абсолютно иная ситуация, описанная нами выше, сложилась на Тереке (Моздокский и Кизлярский округа Кавказской епархии), где его насильственное искоренение в среде казачества было невозможно, а на фоне нарастающего конфликта с горцами Сенат распорядился не притеснять казаков в вопросах веры [20, с.324–337]. Сложился компромиссный путь взаимоотношений, но при строгом надзоре со стороны светских и духовных властей. Обращаясь к статистическим данным, нужно отметить, что во всех подразделениях Кавказского линейного казачьего войска существовали последователи старого обряда, которые в основной массе не отвергали церковных таинств. В казачьих общинах существовали и сектантские направления, но в большинстве своем их последователи относились к категории «приемлющих священство», и опасаясь преследования за свои религиозные убеждения со стороны властей они не популяризировали их (таблица 1).

Характеризуя наиболее распространенные на Северном Кавказе направления сектантства, нужно вначале отметить доминирование староверов в их среде. Ими были отошедшие от православной Церкви во времена реформ Никона христиане, их также называли раскольниками или старообрядцами, а некоторые исследователи их именовали православными протестантами. Одной из характеристик данного направления было древлеправославие, как идеологически религиозное течение и организация в русле Русской Православной традиции, отвергающих проведенную церковную реформу патриархом Никоном.

На фоне нарастающего противостояния в вопросах вероисповедания в XVIII в., желании части сторонников

«старой веры» объединиться с Русской Православной Церковью и неэффективности силовых методов ущемления раскола возникло такое направление в старообрядчестве, как единоверие. Его сторонники сохраняли традиции древних богослужебных традиций, таких как двоеперстие, служба по старопечатным книгам и др. Его представители соблюдали древнерусский бытовой уклад, что служило основанием считать единоверие примирением РПЦ и старообрядчества.

Другим направлением старообрядческого согласия, приемлющего священство, была поповская секта, которая существовала в виде беглопоповства. Когда в 1846 г. к ним присоединился БосноСараевский митрополит Амвросий (Попович) возникла Белокрыницкая иерархия, которая в настоящее время существует как Русская Православная Старообрядческая Церковь. Другим основным крупным направлением русского старообрядче-

ства в регионе были последователи не приемлющих духовенства, ими отрицалась необходимость священства для спасения души.

Не менее распространенным течением древлеправославия было учение поморского согласия. Данное учение относилось к беспоповскому толку, не имеющего трехчинной иерархии, принятые у поморцев таинства, крещения и исповедь, совершались грамотными мирянами, а общины возглавлялись духовными наставниками. Для ведения службы мирянам на основе иноческого соловецкого устава в их среде был разработан Поморский устав, из которого были удалены произносимые священниками все молитвы и слова. Внешнюю обрядность официальной Церкви отрицали и представители духоборческой секты, которая была более идейно близка к английским квакерам. Данное направление христианства получило общее название «духовных христиан».

Таблица 1 / Table 1

Соотношение прихожан с представителями раскола и сект при церковных приходах Кавказской епархии на 1843-1846 гг. [4; 7; 8; 12] / The ratio of parishioners to representatives of schisms and sects in church parishes of the Caucasian diocese in 1843-1846 [4; 7; 8; 12]

Епархиальные округа Кавказской епархии	Общее число прихожан		Из них представителей раскола	
	Мужского пола	Женского пола	Мужского пола	Женского пола
Ставропольскому округу	94589	88349	3171	3223
Черноморскому округу	60255	60704	35	27
Пятигорскому округу	34356	34071	1330	1438
Моздокскому округу	15577	15623	2840	3009
Кизлярскому округу	4994	4472	846	976
Закубанских поселениях	2116	1695	0	0
Всего по Кавказской епархии¹⁷ :	211887	204914	8222	8673

Другими последователями духовного христианства были представители молоканской секты, считавшиеся особо вредной ересью в империи. Молокане представляли собой религиозное движение, а не единую церковную организацию. Они сильно отличались в оценке религиозных взглядов, соблюдаемых праздниках, песнопении и учении. Среди всех этих направлений выделялись «мокрые молокане», которые практиковали водное крещение в своей среде, молокане-прыгуны, молокане-субботники и другие направления.

В конце XVIII в. на Северном Кавказе проявились представители секты субботников, представители которого соблюдали субботу, совершали обрезание и остальные предписания иудаизма. Знакомясь с Библией представители этой секты отмечали, по их мнению, большое несоответствие содержания и церковной реальностью, разочарованием в традиционных религиозных институтах. Распространенные в их среде идеи были близки к основным идеям европейской Реформации: отказ от священства, почитания икон и святых, совершение таинств.

Духовенство являлось небольшим по численности социальным слоем общества, но играло значительную роль социокультурной жизни населения, являлось созидательной силой в деле просвещения. Семьи священнослужителей являлись проводником популяризации семейных ценностей, в числе которых нужно отметить организацию семейного воспитания и достаточно неплохой уровень домашнего образования для своих детей, включая девочек.

С момента появления славянских поселенцев на Северном Кавказе и формального установления органов епархиального управления в XIV и XV вв., территории региона были отнесены изначально к Сарайской епархии. В ходе миграционных процессов и интеграции Российской империи первые приходы были отнесены к Астраханской епархии, а в дальнейшем перешли под окормление Донской епархии. Удаленность некоторых из них от епархиальных центров до 900 верст определяла и характер отношений, препятствовавших установлению надлежащего порядка в церковно-приходской жизни. Проникшие с переселенцами специфические традиции и различные учения сект имели благоприятную почву для их распространения. Латентно шел процесс формирования особой формы религиозного поиска истинности в вопросах православной веры и большое усердие верующих, но для его надлежащего развития требовались хорошо обученные и подготовленные священнослужители [1, с.152 – 160].

К середине XIX в. сложились благоприятные условия для образования самостоятельной Кавказской кафедры, и выделение территории Кавказской области из епархиального окормления Новочеркасской епархии. Данное обстоятельство определялось достижением военного превосходства с одной стороны, и достаточным числом церквей и причтов «... количество по пространству ими занимаемому было не применительно для одного епархиального управления и достаточное для

¹⁷ Данные приведены без учета 9 приходов, по которым сведения не выявлены (Черноморского округа: Ачувского укрепления, станицы Павловской, станицы Шукуринской;

Пятигорского округа: с. Александровки, с. Благодарного, с. Новозаведенного, с. Отказного, слободы Бургун-Маджар, станицы Невинномысской).

образования двух» [17, л.2]. Помимо этого, начальник Кавказской области предполагал возложить на епархиальные органы миссионерскую работу. Целью, которой, по его мнению, должны были стать не только горское население в среде которого сохранились традиции христианства, принесенные из Константинополя, но и обращение к славянскому населению, отошедшему от православия и распространенному расколу.

Согласно установленному действующему регламенту Синод стремился соотносить границы гражданского и религиозного управления в пределы одной епархии. Руководствуясь данной нормой, в соответствии с разработанной программой Синодом, в пределы одной епархии были объединены церковные приходы Кавказской области и Черноморского войска. Новой епархии устанавливался третий класс содержания предполагающий финансирование из средств Казны в пределах 5 тыс. руб. сер. в год. Устраиваемому Кавказскому архиерейскому дому, резиденции епископа, выделялось на обустройство 3 тыс. руб. сер. Предполагалось, как и обычным монастырям империи, каким этот дом и являлся, выделение рыбных и лесных промыслов, участка земли в размере 150 дес. Оставался открытым вопрос устройства собственной Кавказской духовной семинарии, которая в сложившихся условиях церковно-приходской жизни и распространения древлеправославия с сектанством, была необходима для подготовки священнослужителей соответствующей квалификации. Синодом не конкретизировались причины уклонения в разрешении этого вопроса, только указывалось на то, что она может быть открыта при условии достаточного количества учащихся и наличия дополнительных источников финансирования для её содержания в регионе [17, л.23].

Исходя и указанных целей, укрепления православия и возвращения к церкви отклонившихся от него, возрождения в коренном населении некогда утраченного христианства, требовался особый епископ, который был способен не только организовать работу епархиальной системы, но и достичь разрешения поставленных целей. По мнению Синода, этому соответствовал Киевской митрополии Чигиринский викарий епископ Иеремия (Соловьев). Он относился к числу ученого монашества, которое привлекалось властями к управлению епархиями в этот период. В последующем этот кавказский епископ, как и некоторые другие, в числе которых был епископ Игнатий (Брянчанинов), были причислены к лику святых Русской Православной Церковью. Глубоко вовлеченный в дела управления епархиями которые Иеремия Соловьев возглавлял в течение своей жизни, он не переставал никогда вести записи и развивать идеи религиозного содержания и наполнять их глубоким смыслом. По справедливому выражению И.К. Смолича, он остался недооцененным современниками [30].

При расчете финансирования Правительством и Синодом не была учтена специфика и дороговизна жизни в регионе, что еще более обостряло дефицит установленной сметы расходов. С одной стороны, он покрывался привлечением дополнительных средств, требующим длительного согласования и пояснения обоснований, во многом не находящих поддержки в верхах власти. Более значимым источником средств на данном этапе станет помощь со стороны частных лиц из числа местного православного населения.

Прибывший в 1843 г. на Кавказскую кафедру епископ Иеремия сразу обратил внимание на проблемы в подготовке священнослужителей связанные с пониманием

собственно значения своего статуса и роли в церковном клире. Получение хорошего и качественного семинарского образования, по его мнению, было одним из способов преодоления сложившихся противоречий и способствовало бы инкорпорации региона в единое социокультурное пространство империи.

Собственным примером епископ старался показывать остальным методы решения вопроса с момента своего приезда на Кавказскую кафедру. Когда ему была компенсирована прогонная сумма в размере 500 руб. сер. [6, л.73, 81], возвращенные деньги он распорядился разместить в Приказе общественного призрения. Процент от вложенной суммы позволял установить содержание двух учеников в Ставропольском духовном училище [6, л.455]. Помимо этого, им были переданы в городские церковные приходы сборники различных духовных сочинений необходимого круга церковных книг.

Острая нехватка средств обнаруживалась во всех начинаниях по организации епархии. Установленной суммы Архиерейскому дому не хватало даже на его обустройство, а для отопления правительством специально была выделена квота леса в станице Темнолесской. Доставка этих дров до города обходилась довольно дорого, поэтому первые годы приходилось ощущать преосвященному и служителям Консistorии все капризы кавказской зимы. Денег не хватало даже на обеспечение всем необходимым Кавказской духовной консистории, а выделенные по ходатайству епископа Иеремии оберпрокурором Синода графом Н.А. Протасовым дополнительные средства не вносили существенного изменения в сложившуюся ситуацию [3, л.8, 12].

Не располагая необходимым угодьями в черте Ставрополя для организации подворья Архиерейского дома, епископ нашел непростой выход из сложившейся ситуации. Обратившись к Кавказскому наместнику князю М.С. Воронцову с просьбой о передаче в духовное ведомство принадлежащего штабу войск пустыря на Воробьевой высоте. Наместник распорядился передать «такой размер казенного лесного участка и речки, какой сам Преосвященный признает нужным для устройства своего дома» [10, л.19–20]. Посредством имеющихся при Архиерейском доме рабочих участок был очищен от кустарника и высажены деревья, которые по сегодняшний день радуют жителей города своей прохладой в районе Комсомольского пруда.

Пожертвования частных лиц были существенным подспорьем в обустройстве и становлении Кавказской кафедры. В своем отчете за первый год пребывания на Кавказской кафедре епископ Иеремия особо выделил то, что заставило даже такого человека как он поразиться масштабам христианского долга, присутствовавшего в среде местного славянского православного населения. Для обустройства Крестовой церкви житель Ставрополя Илья Аникеев сделал за свой счет пять колоколов, о сделанном им пожертвовании, по желанию самого благодетеля, Синоду в ежегодном отчете по епархии не докладывали [5, л.95].

Ставропольский почетный гражданин купец 1-й гильдии Игнатий Волобуев передал в дар духовного ведомства дом, в котором проживал со своей семьей, а до этого сдавал большую его часть для размещения епископа и консистории, из-за неимения подходящих зданий в городе. За свой счет им были произведены необходимые административному зданию пристройки. Следуя идеи устройства на прилегающей к дому территории архиерейского подворья и Кавказской семинарии, им были выкуплены и также переданы в духовное

ведомство земли, но неустойчивость грун-та в этой части города не позволила строить капитальные строения такого масштаба [5, л.95, 116–117]. В результате чего преосвященным было принято решение, по примеру других губерний, разместить Архиерейский дом, кафедру и семинарию рядом с административными зданиями гражданского управления и новым кафедральным собором на Воробьевой горе города. На переданной купцом земельном участке была выстроена Крестовоздвиженская домовая церковь епископа и основано архиерейское подворье.

При этом нужно отметить, что купец Волобуев все получаемые им средства от аренды помещений направлял на строительство и убранство церквей города. В отчетах Консistorии Волобуев числился в числе основных лиц, внесших большой вклад в её развитие на первом этапе становления, но это не мешало ему продолжать складывать свои средства в развитие церковной инфраструктуры кафедр.

Другой купец первой гильдии Ставрополя и городской голова Иван Григорьевич Ганиловский на обращение епископа о помощи в размещении его здания Кавказской семинарии и уменьшении вдвое платы за аренду, и обещал епископу участвовать в реализуемых им проектах по духовному ведомству [13, л.48].

Только из этих двух эпизодов видно, насколько сильным был религиозный порыв владельцев частного капитала, для которых по законам капитализма расход средств в этой сфере не мог принести прибыли. Не преследуя получения высоких наград и званий, многие из которых ими уже обладали, они способствовали росту авторитета православной Церкви в народных массах и преодолению сложившейся непростой ситуации в религиозной жизни региона.

Являясь примером бескорыстного служения Церкви, следуя положению закона вызова и ответа британского историка и философа А. Тойнби, можно утверждать, что они реализовывала функцию «творческого меньшинства», которая не просто следовала своим духовным целям, но и увлекала за собой остальных в разрешении вопроса положения православия в обществе. В условиях масштабного военного противостояния, следуя данному импульсу, прихожане заботились об убранстве своих церквей. О них известно намного меньше, и только с появлением ведомственного издания Кавказских епархиальных ведомостей, они получили широкую огласку.

Характеризуя динамику церковного строительства и характер храмовых сооружений на Северном Кавказе, нужно отметить, что она напрямую зависела от политического положения Российской империи в регионе и была связана с экономическим положением населения. Не меньшую роль играли периоды временного умиротворения Кавказского конфликта и притока славянского населения. Нерешенность вопроса включения территорий в состав империи в условиях длительного противостояния напрямую отразилась на убранстве и облике церквей, которые имели временный характер. Большая часть этих храмов была возведена из дерева, только 46 были выстроены из камня. Начавшиеся процессы инкорпорации региона, затронувшие и религиозную сферу, привели к изменению сложившейся ситуации. Большая часть храмов на 1845 г., а именно 184 из 208, были возведены на средства самих прихожан, что характеризует их как добросовестных хозяев, а не временщиков в регионе. Оставшаяся часть была возведена на частные средства и войсковых сумм, и только 8 из них были возведены на правительственные средства [4; 7; 8; 12].

Вместе с устройством самостоятельной епархии на Северный Кавказ были принесены традиции нового архитектурно-стиля церковного строительства, который получил распространение в Российской империи в XIX в. как альтернатива неоготике, принятой за основу строительства храмов в государствах Западной Европы исповедующих католицизм и следующих протестантизму. Новая восточноевропейская архитектурная традиция в России не копировала византийский стиль, а только использовала его характерные черты в планировке православного храма и его отделке [29, с.9, 13].

При организации строительства храма общество сталкивалось с нехваткой средств, для этого выбирали доверенное лицо, на которое через консисторию просили выдачу книги для сбора пожертвований. Строительство нередко растягивалось на десятилетия, и для исправления мирских треб общества строили рядом молитвенные дома [11, л. 1–181]. Иногда сельские общества делали общественные запашки, вырученные средства от продажи урожая с которой направляли на заготовку материалов для храма и оплату труда работникам.

Упадок церковного строительства и отделки храмов на Северном Кавказе, до образования самостоятельной кафедры, епископ Иеремия связывал не столько с отсутствием надлежащего епархиального контроля и участия светских властей в этом процессе. Основная причина крылась, по его мнению, в падении авторитета православной Церкви в народных массах, что вело и к отсутствию инициативы церковного клира и самих прихожан [5, л.12–52]. Одной из первых мер стало вынесение предписания исправления ситуации станичным властям казачьих войск и Палате государственных имуществ. Исправление нравов требовало более кропотливой работы с причтом и самими прихожанами.

Фактически все храмы региона были построены за счет средств самих прихожан, и по тяжелым условиям жизни в тесной церкви размещалось несколько прихожодов. Этими же условиями обосновывается и выбор небесного покровителя прихода. Самыми почитаемыми были выбор в пользу святителя и чудотворца Николая Мирликийского и Архангела Михаила, намного реже прибегали к заступничеству и покровительству отдельно взятых святых: Георгия Победоносца, Крестовоздвижения, Казанской иконы Божьей матери, Пресвятой Троицы и т.д.

Искоренить всех проблем и добиться надлежащего порядка в церковно-приходской жизни конечно не удалось, но дать надлежащее направление его развитию и создать необходимые условия для распространения православной веры епархиальное управление смогло. В своем отчете Синоду за 1857 г. епископ Игнатий (Брянчанинов) указывал на открытое женское училище при первом женском монастыре в Черноморском войске Марие-Магдалинской женской пустыни. По случаю недавнего основания самой обители оно не еще не получило правильной организации, и действовало в раз- мере и благоустройстве соразмерно средствам строящейся самой обители. Разработка проекта его развития была передана на рассмотрение Войсковому руководству, как более знакомому с духом и потребностями местного населения. В этом же отчете епископ отмечал, что многие учителя из священнослужителей при образовании крестьянских детей трудятся без какого-либо поощрения и оплаты их труда, и даже за собственный счет приобретали своим ученикам учебные книги и прочие необходимые материалы [14, л. 13–13об.].

Опираясь на показания жителей станицы Кавказкой епархиальный миссионер А.Е. Шанин в 1898 г. докладывал епископу Кавказскому и Ставропольскому Агафодору (Преображенскому) о существовании в станице раскольничьего скита. Скит до этого был расположен вблизи обвального старообрядческого монастыря недалеко от самой станицы, но по обстоятельствам плохих условий жизни и набегов в 1876 г. переселился из обвалов в станицу, к старообрядческому молитвенному дому. Семь келий данного скита были размещены на дворе казака И.В. Мурзина, и 10 расположились на общественной земле, смежной с имением казака. Данный скит не имеет настоятельницы, а управляется лжепопом К. Осиповым и экономом, выбранным из среды местных казаков. В скиту проживало несколько женщин и девиц, по свидетельству единоверцев, совращенных из православия в раскол.

Благочинный церковью Кубанской области священник Г. Аристов, после проведения предварительного следствия, указал, что доказать существование старообрядческого скита в станице около старообрядческого домика невозможно по отсутствию прямых доказательств. Скопление населения в указанном месте состоит исключительно из старых девиц и вдов, при чем некоторые из них считаются принявшими монашество. Сами жительницы скита объясняют желание жить около церкви, удобством молитвы и возможностью уединенной жизни. Их компактное проживание в народе действительно получило название скита, но к такому они сами никогда не стремились. Около молитвенного домика старообрядцев действительно давно существовало 15 небольших домов, на земле станичного общества 7 хат в которых проживало 12 старух. Все они жили без какой-либо настоятельницы: «живем, молимся Богу, питаемся от добродетельных подающих людей». За их жизнью в станице был установлен надзор местного священника, который в дальнейшем в своих рапортах епархии докладывал, что ничего противозаконного в проживании женщин близ скита отмечено им не было [15, л.1-1об., 11-13].

Идеи первой русской революции 1905-1907 гг. и обновленческое движение церкви не оставили в стороне и Северный Кавказ. В среде местного духовенства начал проявлять себя данный элемент и своими действиями вновь дестабилизировать ситуацию. Одним из таких немногих примеров является производство по обвинению священника П. Введенского в богохульстве, кощунстве и пропаганде идей атеизма. Ведя себя вызывающе мыслями об отсутствии Бога делился со своим близким окружением. Высказывался, что будущей жизни не существует, Ветхий и Новый Заветы выдуманы и написаны монахами, Церковь называл духовным театром и мельницей, говорил, что служит только из-за денег. На поступивший донос крестьянина хутора Мирowego, станицы Абинской Кубанской области, ссылался на месть крестьянина из-за неуплаты им, священником, ему за работу на его пасеке. Члены причта данные обвинения опровергали, указывая на интеллигентность священника и невозможность вменяемых ему поступков.

Священник в свое оправдание говорил: «... если бы я не верил в Бога, то безусловно вышел бы из духовного звания». В ходе опроса местных жителей выяснилось, что их настоятель прихода в обращении с ними нередко бывал груб, пропускать службы, сквернословил, вел праздный образ жизни и т.д. По итогам проведенного формального следствия относительно обвинения свя-

щенника в богохульстве, кощунстве, пропаганде идей атеизма и других проступков священник скрылся из прихода. Решением епархиального руководства, за открытое безбожие, постыдно-развратную жизнь, чрезвычайно грубое обращение с прихожанами, священник Введенский был приговорен к лишению священнического сана и исключению из духовного звания. Поскольку посредством полиции его не смогли отыскать, то, по установленным Синодом правилам, его как ослушника вызвали в Консисторию для заслушивания о нем принятого решения посредством публикации в местных и ведомственных периодических изданиях. По истечении третьей публикации принятое о нем решение вступило в законную силу. Таким образом, за отсутствием апелляционного отзыва священника Введенского и каких-либо возражений с его стороны на принятое Консисторией решение не поступило, то он был присужден к лишению священнического сана и исключению из духовного звания [16, л.6-боб., 21, 25-26, 84].

Результаты. В пастырской деятельности священнослужители отталкивались от состава прихода, который определял характер взаимоотношений с паствой. Во многом духовенство Северного Кавказа оказывало в большой материальной зависимости от прихода, что делало его заложником сложившейся ситуации и иногда вело к разным формам нарушения установленных правовых норм. Духовенство одно не в силах было справиться с бытовыми и социальными трудностями при глубоком вовлечении в работу с паствой и исполнением возложенных должностных обязанностей по приходу. Синод и руководство Кавказской епархии принимали меры для устранения сложившихся противоречий в церковно-приходской жизни.

Ситуация осложнялась сложившейся военной обстановкой и полувоенным бытом местного населения. Образование Кавказской епархии было проведено по установленным стандартам для других центральных губерний Российской империи. В то время как выделенных средств по условиям жизни в регионе не хватало для обзаведения самым необходимым. Установленные законом ограничения казались непреодолимым препятствием на пути разрешения финансовых вопросов. Только помощь частных лиц, не равнодушных к православной вере, движимых истинным чувством милосердия и сострадания, способствовали смягчению ситуации и проведению намеченных преобразований. В своих отчетах даже епископ Иеремия отмечал подобное усердие православного населения, неравнодушного к положению православной Церкви на Северном Кавказе [9, л.8-19].

На Северном Кавказе многие приходы были разбросаны на несколько десятков верст, что служило удобной почвой для распространения среди прихожан предрасудков и суеверий, которые способствовали развитию сектантства. Надо учитывать, что в приходах епархии иногда православное славянское население находилось в окружении представителей раскола и ислама. Данные условия способствовали появлению особого рода сподвижников православия, которые, несмотря на трудности повседневной жизни, несли религиозное просвещение в отдаленные приходы Кавказской епархии. Способствовали подъему авторитета РПЦ в регионе и его инкорпорации в систему социокультурного пространства империи.

В рассматриваемый период православное население находилось в меньшинстве по отношению к насе-

ляющему регион подвижников ислама, старообрядцев, сектантов. Поэтому помощь частных лиц в развитии церковной жизни в сложившейся ситуации была ничем иным, как истиной формой духовного единения населе-

ния региона и церковной власти. Православие на Северном Кавказе стало основой этнокультурной идентичности, выступая для определенной части населения историко-культурным ориентиром.

Литература

1. Володькова Е. Н., Гончаров В. Н., Колосова О. Ю., Немашкалов П. Г. Роль православного прихода в процессе инкорпорации славянского населения Северного Кавказа в социокультурное пространство Российской империи в первой половине XIX в. // Вопросы истории. 2021. № 6–2. С.152–160.
2. Володькова Е. Н., Кнiewiczкий С. А., Немашкалов П. Г. Образование первых русских городов на Северо-Восточном Кавказе и их роль в процессе инкорпорации региона в Российскую империю // Вопросы истории. 2021. № 11–3. С. 89–95.
3. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф.135. Оп.1. Д.319.
4. ГАСК. Ф.135. Оп.1. Д.340.
5. ГАСК. Ф.135. Оп.1. Д.51.
6. ГАСК. Ф.135. Оп.1. Д.877.
7. ГАСК. Ф.135. Оп.2. Д.410.
8. ГАСК. Ф.135. Оп.3. Д.1025.
9. ГАСК. Ф.135. Оп.4. Д.252.
10. ГАСК. Ф.135. Оп.4. Д.557.
11. ГАСК. Ф.135. Оп.4. Д.558.
12. ГАСК. Ф.135. Оп.4. Д.787. Ч.1–3.
13. ГАСК. Ф.135. Оп.4. Д.921.
14. ГАСК. Ф.135. Оп.16. Д.80.
15. ГАСК. Ф.135. Оп.56. Д.722.
16. ГАСК. Ф.135. Оп. 69. Д.1479.
17. ГАСК. Ф.90. Оп. 1. Д.1548.
18. Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб.: Общественная польза, 1905. 444 с.
19. Короленко П. П. Черноморцы на Кубани: Исторический очерк о заселении Кубани Черноморскими казаками // Памятная книжка кубанской области на 1878 год. Екатеринодар: Типография Кубанского Областного Правления, 1878. С.113–144.
20. Михайловский Г. Исторические сведения о расколе среди терских (гребенских) казаков во второй половине XVIII столетия // Кавказские епархиальные ведомости. 1877. № 3. С. 97–98.
21. Михайловский Г. Сведения о расколе и раскольниках в пределах Кавказской епархии // Кавказские епархиальные ведомости. 1875. № 10. 16 мая. С. 324–337.
22. Немашкалов П. Г. Становление и функционирование епархиальной системы управления Русской Православной Церкви на Северном Кавказе (конец XVIII – 60е годы XIX вв.): дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Ставрополь, 2020. 555 с.
23. О составлении Кавказского из двух областей: Кавказской и Астраханской // Полное собрание законов Российской империи (1649–1825). Т. 22. № 16193.
24. Потто В. А. Два века Терского казачества (1577–1801 гг.). В 2-х т. Т. 1. Владикавказ: Ставропольская Кавказская библиотека, 1912. 383 с.
25. Предисловие председателя Археографической комиссии А. Д. Берже // Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1866. Т. I. 827 с.
26. Прозрителев Г. Н. Ставропольская губерния в историческом, хозяйственном и бытовом отношении // Памятная книжка Ставропольской губернии на 1919 г. Ч. 1. Ставрополь: Губернская типография, 1919. С. I–XI.
27. Прот. Попов И. Мои занятия в архивах // Сборник общества любителей казачьей старины. Владикавказ: б.и., 1912. № 1. С. 18–20.
28. Ровинский И. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губернии. По гражданскому и естественному их состоянию в отношении к земледелию, промышленности и домоводству. СПб.: Печатано в Императорской типографии, 1809. 495 с.
29. Савельев Ю. Р. «Византийский стиль» в архитектуре России. Вторая половина XIX – начало XX века: Альбом. СПб.: Изд-во «Лики России», 2005. 272 с.
30. Смолич И. К. История русской церкви: 1700–1917 гг. В 2 ч. Ч. 1. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. 800 с.
31. Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. В 2 т. Т. 2 / Репринтное издание. Краснодар: Изд-во «Советская Кубань», 1992. 850 с.

References

1. Volodkova EN, Goncharov VN, Kolosova OYu, Nemashkalov PG. The role of the Orthodox parish in the process of incorporation of the Slavic population of the North Caucasus into the socio-cultural space of the Russian Empire in the first half of the XIX century. *Voprosy istorii*. 2021;6-2:152-160. (In Russ.)
2. Volodkova EN, Kniewicz SA, Nemashkalov PG. The formation of the first Russian cities in the NorthEastern Caucasus and their role in the process of incorporation of the region into the Russian Empire. *Voprosy istorii*. 2021;(11-3):89-95. (In Russ.)
3. The State Archive of Stavropol Krai (GASK). F.135. Inv.1. D.319. (In Russ.)
4. GASK. F.135. Inv.1. D.340. (In Russ.)
5. GASK. F.135. Inv.1. D.51. (In Russ.)
6. GASK. F.135. Inv.1. D.877. (In Russ.)
7. GASK. F.135. Inv.2. D.410. (In Russ.)
8. GASK. F.135. Inv.3. D.1025. (In Russ.)
9. GASK. F.135. Inv.4. D.252. (In Russ.)
10. GASK. F.135. Inv.4. D.557. (In Russ.)
11. GASK. F.135. Inv.4. D.558. (In Russ.)
12. GASK. F.135. Inv.4. D.787. Part 13. (In Russ.)
13. GASK. F.135. Inv.4. D.921. (In Russ.)
14. GASK. F.135. Inv.16. D.80. (In Russ.)
15. GASK. F.135. Inv.56. D.722. (In Russ.)
16. GASK. F.135. Inv.69. D.1479. (In Russ.)

17. GASK. F.90. Inv.1. D.1548. (In Russ.)
18. Kaufman AA. Resettlement and colonization. St. Petersburg: Obshhestvennaja pol'za; 1905. 444 p. (In Russ.)
19. Korolenko PP. Chernomortsy in Kuban: A historical essay on the settlement of Kuban by Black Sea Cossacks in Commemorative book of the Kuban region for 1878. Yekaterinodar: Printing House of the Kuban Regional Government; 1878. P. 113-144. (In Russ.)
20. Mikhailovsky G. Historical information about the split among the Terek (Grebensky) Cossacks in the second half of the XVIII century. *Kavkazskie eparhial'nye vedomosti*. 1877;(3):97-98. (In Russ.)
21. Mikhailovsky G. Information on schism and schismatics within the Caucasian diocese. *Kavkazskie eparhial'nye vedomosti*. 1875;(10):324-337. (In Russ.)
22. Nemashkalov PG. Formation and functioning of the diocesan management system of the Russian Orthodox Church in the North Caucasus (late XVIII-60s of the XIX centuries): thesis. Stavropol, 2020. 555 p.
23. On the compilation of the Caucasian from two regions: the Caucasian and Astrakhan in The Complete Collection of laws of the Russian Empire (1649-1825). Vol. 22. No. 16193. (In Russ.)
24. Potto VA. Two centuries of the Terek Cossacks (1577-1801). In 2 vol. Vol. 1. Vladikavkaz: Stavropol Caucasian Library; 1912. 383 p. (In Russ.)
25. Preface by the chairman of the Archeographic Commission AD Berge in Acts of the Caucasian Archeographic Commission. Tiflis: Printing House of the Main Directorate of the Governor of the Caucasus; 1866. Vol. I. 827 p. (In Russ.)
26. Prozritelev GN. Stavropol province in historical, economic and everyday relations in Memorial book of Stavropol province for 1919 Part 1. Stavropol: Gubernskaya tipografiya; 1919. P. I–XI. (In Russ.)
27. Prot. Popov I. My studies in the archives in Collection of the Society of lovers of Cossack antiquity. Vladikavkaz, 1912. No. 1. P. 18-20. (In Russ.)
28. Rovinsky I. Economic description of the Astrakhan and Caucasian provinces. According to their civil and natural state in relation to agriculture, industry and home economics. St. Petersburg: Printed in the Imperial Printing House; 1809. 495 p.. (In Russ.)
29. Saveliev YuR. Byzantine style in the architecture of Russia. The second half of the XIX – the beginning of the XX century: Album. St. Petersburg: Publishing house Liki Rossii; 2005. 272 p. (In Russ.)
30. Smolich IK. The history of the Russian Church: 1700-1917. In 2 parts. Part 1. Moscow: Publishing House of the Transfiguration of the Valaam Monastery; 1997. 800 p. (In Russ.)
31. Shcherbina FA. The history of the Kuban Cossack army. In 2 vols. Vol. 2 . Reprint edition. Krasnodar: Publishing house Sovetskaya Kuban; 1992. 850 p. (In Russ.)